НАШИ ГОСТИ

СВОЯ ТЕМА

Окончилась встреча — за кулисы неизбежно потянулись подростки с фотографиями, вырезками из журналов, блокнотами. Евгений Леонов нуждался в отдыхе: он уже «отработал» в этот день три творческие встречи, через полчаса предстояла четвертая. И все же он не ограничивался обычными росчерками, а, узнав имя просителя, оставлял ему в блокноте несколько слов. Обязательно с обращением по имени. Какую ценность обретает для подростка такой автограф, понять нетрудно.

Порою незначительная на первый взгляд деталь поведения человека приоткрывает его характер, позволяет увидеть в нем нечто существенное, важное, доброе...

Доброта, мягкость, душевная деликатность... Они присущи многим героям Евгения Леонова. Но вот парадокс: им сыграно немало отрицательных ролей. От таких, вроде бы непритязательных, как директор музея в старой кинокомедии «Не имей сто рублей» или граф Кутайсов в «Крепостной актрисе» до многогранных сложнейших образов, каким явился Креон из «Антигоны» Жана Ануйя в спектакле театра им. Станиславского. Зло в изображении Леонова выглядело непривычным: «злые» герои окрашивались в те же мягкие тона. Это заставляло крепче задуматься над происхождением зла, понять, что оно гораздо сложнее, чем обычно представляется нам. Герои эти — жандармский полковник в «Первом курьере», «Король» в «Совсем пропащем», да и другие — совершали свои несимпатичные деяния без всякого удовольствия, актер как бы оценивал их со своей позиции. Итак, изображенное Леоновым зло служило целям добра. Но на первый взгляд могло показаться, будто свои столь разные образы артист лепил схожими изобразительными средствами.

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ: Слова иной раз не определяют сути вещей. Можно говорить о схожести изобразительных средств, можно назвать это темой актера. Как угодно. Артист делает свое дело; дело людей, которые пишут о нем — найти в актере то, что они могут или хотят найти. Впрочем, поставим этот вопрос шире. Я со временем пришел к выводу, что зрителя в искусстве уже ничем не удивишь. Так что дело актера — заинтересовать зрителя своей человеческой сутью. Все равно никуда не деться от слов Станиславского о том, что человек, умеющий играть, обязан раскрыть душу. И сердце. Без сердца вообще искусства не бывает.

Я не скажу, что поставил цель найти свою тему. Она рождается в результате твоего отношения к людям, к жизни. Тема обычно и есть твоя человеческая суть, хотя иногда бывает: мерзкий в жизни человек тянет в искусстве тему радости и добра — и ничего, это сходит ему с рук. Хорошо, что это случается редко: в искусстве обмануть трудно.

... Мою тему я нашел не сразу. Я был ярко выраженным комическим актером, свою фактуру — круглый, толстый, добродушный человек — принес в театр, играл милых увальней. Словом, эксплуатировал свои внешние данные. Но мне повезло, я попал в руки народного артиста СССР Михаила Михайловича Яншина, который был тогда главным режиссером театра им. Станиславского, где я проработал больше 20 лет. Он приучил нас к правде, к тому, чтобы мы думали о роли, искали в ней все, что может сделать этого человека живым, а не ходульным, не плоским. Не забуду, как Яншин репетировал со мною Лариосика в «Днях Турбиных», по многу раз заставлял меня выходить на сцену, так как мне все не удавалось вынести к зрителю ту жизнь своего героя, которая предшествовала его появлению на сцене. Яншин нещадно гонял нас, когда в зале раздавался смех. Нам нравилось, а он говорил: проверьте, не смешите ли вы больше, чем нужно. Не знаю, превратился ли я из комедийного актера во что-то другое — у меня всегда было желание сыграть роль неоднозначно, углубить, расширить ее. А ведь смешное и трагическое — они в жизни рядом...

Первой трагической ролью Леонова стал шолоховский Яков Шебалок в экранизации «Донской повести». Отсюда тянется галерея необычных леоновских героев, тех, что не умещаются в привычный ряд образов кинокомедии.

— Вот возьмем царя Креона из «Антигоны». Злодей, деспот, изувер. Но если при наличии такого текста добавить ему доброты, окрасить в добрые тона его поведение — может получиться глубокий характер. Креона обычно играли как социального героя, а тут вдруг — характерный актер в трагической роли. Это позволило внести в роль что-то иное, кроме злодейства. Там есть длиннейший диалог с Антигоной; Креон и хочет сломить ее волю, и жалеет, и уговаривает — и в конце концов все же приговаривает ее к казни... Профессор Александр Аникст смотрел наш спектакль и сказал, что такая трактовка роли по-новому освещает многие проблемы. Сказал, что наша «Антигона» — это «Антигона», сыгранная по-русски.

Герои Леонова — всегда люди очень обыденные. Даже если их профессии свойственен ореол исключительности. Как, скажем, Кукушкину из фильма «Гонщики».

— «Гонщики»,—говорит Евгений Леонов, — откровенно говоря, очень интересного материала для работы не представляли. Но режиссер Игорь Масленников сумел интересно рассказать нам, актерам, о людях, которые гоняют, уродуют, коверкают — одним словом, испытывают машины. Без этих людей нельзя было бы внести хоть одно новшество в обыкновенный серийный автомобиль. Наши гонщики — не люди в белых перчатках. Они сами знают в машине каждый винтик. Не бывало прежде на международных соревнованиях, чтобы два человека за 20 минут сменили коробку передач. Наши герои в фильме сделали это, но еще раньше это сделали на международном ралли два наших испытателя — из тех, что на своих «Москвичах» побеждали в Австралии и Мексике. Вот об этих людях, беззаветно влюбленных в свои машины, нам хотелось рассказать. В сценарии прочеркивалась одна тема, мы старались всеми правдами и неправдами выявить ее. Есть человек, который людям старается все отдать, а рядом — другой, отдавать он еще не научился, пока что умеет только брать... Материала, чтобы вытащить эту тему на свет, не очень-то хватило, но мне близка была роль Кукушкина. Ведь в роли возникла эта тема: отдать себя людям, помочь людям — любой ценой. Это и есть моя тема...

Беседовал Б. ТУХ

Фото Ф. Ключика.

2 Вечерний Таллин

3 января 1974 г.